

Глава 13 Три дня над городом

Сяо Жун потер ушибленный бок, недовольно бурча себе под нос: — Ну и норов... Чисто цепной пёс.

Толкнул-то как — юноше показалось, что ребра уже начали синеть. Ночь окончательно вступила в свои права, и в скудном свете крепостных факелов Цюй Юньме не расслышал бормотания и не заметил движения губ собеседника.

Отступив на несколько шагов, государь сухо бросил: — Зачем ты здесь?

Услышав вопрос, Сяо Жун перестал растирать бок и мгновенно преобразился, принимая вид серьезного советника: — До меня дошли вести, что генерал Юань вернулся с победой и раздобыл некие зацепки. Потому я и пришел к Великому вану...

На полуслове он осекся. Цюй Юньме замер, напряженный всем телом; его горящие волчьи глаза настороженно следили за каждым движением гостя.

Сяо Жун трезво оценивал свои силы. Куда ему, хилому книжнику, тягаться с человеком, который, если верить летописям, однажды в одиночку выкосил сотню врагов? Поговаривали даже, что когда его верный клинок сломался в пылу сражения, Цюй Юньме голыми руками растерзал двоих солдат, прежде чем вражеское полчище сумело его окружить. Возможно, молва и приукрашивала действительность, но сам факт таких легенд о проигравшем военачальнике говорил о его невероятной доблести лучше любых официальных хроник.

Впрочем, сейчас государь явно опасался не покушения. Он ждал слов, которые юноша собирался произнести.

Сяо Жун, не считая нужным щадить чувства собеседника, продолжил: — Раньше я часто размышлял: у любого предателя должен быть путь к отступлению. Сговор с сянби — шаг запредельно жестокий, вполне в духе Южной Юн. Однако нынешний правитель южан, тот самый дядя императора, всё же остаётся гордым сыном Чжунъюаня. У него есть стержень, есть честь. Знай он всю подноготную этого заговора, мелким сошкам-перебежчикам не поздоровилось бы и на юге.

— Но теперь, услышав новости от генерала Юаня, я спокоен. Куда лучше иметь дело с врагом, чье нутро тебе известно до последнего шрама, чем воевать с тенью.

Цюй Юньме слушал его, и скрещенные на груди мощные руки начали медленно опускаться. Он-то ждал, что Сяо Жун, подобно Юань Байфу, примется уговаривать его смирить гнев ради «великих целей» и оставить мысли о преследовании Ли Сюэхэна.

Государь вновь опустил под навесом башни. Помолчав, он медленно произнес: — Ли Сюэхэн...

Сяо Жун, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно пристроился рядом, всем своим видом показывая готовность внимать.

Цюй Юньме лишь хмуро покосился на него. По правде говоря, желающих излить ему душу в преданности всегда хватало. Но никто и никогда не вел себя с ним так по-свойски. Никто не смел считать себя... «своим» настолько быстро.

«Каков наглец», — подумал государь.

Но прогонять юношу он не стал. Окружающие привыкли к его взрывному нраву и вспышкам ярости, а потому мало кто замечал, что в сущности Цюй Юньме был человеком довольно простым в общении. Пока никто не задевал те самые болезненные струны в его душе, он оставался терпимым к чужим чудачествам.

Смирившись с тем, что на него во все глаза пялится этот странный книжник, он продолжил: — С шестого года эры Гуанцзя Ли Сюхэн влачит свое жалкое существование. Десять лет... Десять лет воины Чжэньбэй мечтают лишь об одном: сожрать его плоть и выпить его кровь. И всё же каждый год находят те, кто поддается на его сладкие речи и перебегает к врагу.

На лице Сяо Жуна отразилось понимание. — Не стоит забывать, что он был вторым командующим после великого генерала Цюя. Тринадцать лет Армия Чжэньбэй беспрекословно подчинялась его приказам. Старые привязанности не так-то просто разорвать.

Юноша старался рассуждать объективно, но Цюй Юньме внезапно резко обернулся к нему: — С какой стати им помнить об этом ничтожестве?! Это он заставил всех нас служить династии Юн! Когда император Гуанцзя отдал приказ о бегстве на юг, никто не потрудился предупредить нас! Ты хоть представляешь, в какую ярость пришли варвары, когда обнаружили, что император сбежал? Мы, вместе с простым человеком, были брошены этим псом-императором на растерзание! Если бы хунну не нагрянули так быстро, я бы самолично изрубил Ли Сюхэна в кровавое месиво!

Сяо Жун замер под этим гневным взглядом. Глаза Цюй Юньме на миг дрогнули; заметив ошарашенное лицо юноши, он криво, с горькой иронией усмехнулся: — Ах, ну да. Вы ведь, господин, из Линьчуаня. Откуда вам знать, что здесь творилось в те годы.

Наступила тишина. Сяо Жун некоторое время смотрел на мрачного государя, а затем негромко произнес: — Слышал я, что на вторую весну ласточки вернулись на север, к своим гнездам, свитым под стрехами домов еще прошлым летом. Три дня они кружили над городом, но так и не смогли отыскать ни одной уцелевшей крыши.

Цюй Юньме уставился в пол, не проронив ни слова. Ночь окончательно скрыла далекие горы, погрузив мир во тьму. Несмотря на напускное безразличие, государь едва заметно повел ухом — он слушал каждое слово.

— Десять лет назад я был лишь ребенком, — продолжал Сяо Жун. — Вы, Великий ван, были никому не известны, мощь сяньби только зарождалась, а Армия Чжэньбэй доживала свои последние дни в лучах заката. Прошло десять лет. Теперь ваше имя гремит под небесами, солнце сяньби неуклонно клонится к горизонту, а Армия Чжэньбэй в самом зените своей славы. Я же, завершив учение, проделал путь в тысячи ли, чтобы прийти к вам. Я вложил в ваши руки все свои помыслы, все амбиции и все надежды на оставшуюся жизнь.

Юноша повернулся к нему. В этот миг из-за туч выглянула луна. Ощувив на себе пристальный, горящий взгляд книжника, Цюй Юньме не выдержал и тоже повернул голову.

В серебристом лунном свете Сяо Жун едва заметно улыбнулся: — Великий ван, сердца людей изменчивы. Не у всех хорошая память, и не все обладают вашей твердостью, вашей способностью так неукротимо любить и так яростно ненавидеть. Боюсь, горечь предательства вам придется испытать еще не раз. Но здесь и сейчас я клянусь перед небесами: пока я буду вам нужен, я останусь вашим верным союзником, разделяя с вами и мысли, и судьбу, до самого последнего вздоха.

Цюй Юньме смотрел на него долго, и выражение его лица было невозможно прочесть. Его взгляд, острый как игла, казалось, прошивал Сяо Жуна насквозь, но тот не отвел глаз, спокойно принимая этот вызов.

Мгновение спустя государь резко поднялся, обдав юношу порывом холодного ночного ветра. Сяо Жун зябко поежился, но постарался не подать виду, лишь машинально потер кончик носа.

Цюй Юньме возвышался над ним, глядя сверху вниз: — Мне плевать, сколько людей предаст меня и сколько останется верными. Ты, господин, слишком высокого о себе мнения. Не забывай: я оставил тебя при себе лишь для того, чтобы сорвать с тебя маску, а не слушать эти льстивые речи.

Сяо Жун так и не поднял головы, лишь медленно опустил руки. Цюй Юньме постоял немного, ожидая ответа, но, не дожидавшись ни слова, резко развернулся и зашагал прочь.

Его длинные ноги быстро преодолевали расстояние. Благодаря своей выносливости он в мгновение ока миновал надвратную башню, но на последней ступени лестницы внезапно замер. Нахмурившись, он обернулся к караульным: — Когда он будет спускаться — помогите ему.

Стражники согласно кивнули. Доходяга наверху и впрямь выглядел так, будто рассыплется от дуновения ветра. Но государь не унимался: — И не давайте ему там долго торчать. Еще замерзнет насмерть.

Воины переглянулись. Что-то не припоминали они, чтобы Великий ван проявлял такую трогательную заботу о ком-либо.

Цюй Юньме уже сделал пару шагов, но вдруг вернулся и, сверкнув глазами, рявкнул: —
Принесите ему плащ!

Гвардейцы окончательно впали в ступор, не понимая, в милости ли этот книжник у их
господина или всё же нет.

А Сяо Жун, оставшись в одиночестве, с удовольствием потянулся всем телом. Он подошел к
краю стены и устремил взор на россыпь звезд в ночном небе.

Подперев голову рукой и любясь величественной картиной, он негромко, с теплотой в голосе,
произнес: — Дурак ты, Великий ван. — Ох, и доведу же я тебя когда-нибудь.

<http://bllate.org/book/15355/1416845>